

проявляется самобытность как отдельных людей, так и социальных групп. Брендинг территории также относится к творческой деятельности, в которой проявляется уровень пассионарной энергии её жителей. Л. Н. Гумилёв писал, что «работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения» [4: 322–323]. Таким образом, про активные территории с ярким, позиционирующим брендом можно сказать: такая территория будет в дальнейшем развиваться, с ней можно налаживать экономические, политические, культурные отношения. Именно поэтому выгодно создавать и развивать бренд городов и районов России, стимулируя не только экономику территории, но и гармонизируя психические и социальные процессы.

Пассионарная энергия людей, проживающих на данной территории, и есть та самая социальная энергия для построения успешного территориального бренда. Бренд территории может быть рожден только психической энергией её жителей, позиционирующих свою индивидуальность и противопоставляющих себя другим людям. Индивидуальная идентичность, через понимание собственной уникальности, осознание себя как гражданина, осмысление связей с малой родиной преобразуется в территориальную идентичность. В свою очередь, территориальная идентичность становится одной из составляющих бренда территории, так необходимого для развития самой территории.

Примечания

1. Визгалов Д. Брендинг городов. Москва: Фонд «Институт экономики города», 2011.
2. Даурли Д. П., Эдингер Э., Зеленский В. К. Г. Юнг и христианство. СПб.: Академический проект, 1999.
3. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2002.

О. А. Шабалина (Курган)

Ценностно-смысловое пространство советского города: анализ личных дневников

Изучение социокультурных процессов в малых и средних городах обуславливает необходимость интерпретации латентных смыслов данных пространств. В стремлении понять некие ценностные конструкты советского города мы обратились к анализу личных дневников жителя г. Кургана Федора Ефимовича Достовалова [1], которые являются носителями не только личных переживаний автора, но позволяют выйти исследователю на интерпретацию ценностно-смысловых ориентаций конкретного социокультурного пространства.

Эго-документы позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, уловить то, что отличает его повседневность от жизни других людей, находившихся в тех же обстоятельствах. Кроме того, документы личного происхождения помогают понять настроения в обществе в переломную эпоху и оценить характер социально-экономических изменений через их восприятие простыми людьми [2: 3].

Идеологические ценностные установки, проявлявшиеся и в устройстве городской среды, вероятно, вызывали у «обычного» человека смешение смыслов, подвигли его на поиск подлинных ценностей. Важная особенность дневников в том, что они в первую очередь отражают рефлексии автора о «своем» времени и о локальном пространстве, а не только содержат пересказ повседневных событий. Отличительным свойством дневника является то, что автор не предполагал упорядочивание волнующих его тем, а излагал мысли, значимые для него в конкретный период времени. Для изучения ценностно-смыслового пространства городов интересны записи о специфике советской архитектуры в городах Далматово, Шадринск и Курган, о значении храмов в городской среде, о бытовых аспектах устройства территорий.

В анализе личных дневников мы исходим из принципов ценностного подхода, который позволяет интерпретировать то или иное явление через выделение в нем ценностных структур. Исследование локального текста методологически основывается на «понимающей» социологии М. Вебера, которая позволяет уловить на глубинном уровне взаимосвязь между событиями, процессами, происходящими в социальном пространстве, и пониманием тех смыслов, намерений и мотивов, которые люди придают своим действиям и социальным событиям [3: 366]. Модель «понимающей» социологии М. Вебера содержит в себе такую ключевую категорию как «социальное действие», которая выводит индивидуальные ориентиры на социальное пространство. Вебер отмечает непосредственную связь ценностных аспектов и исторической эпохи.

В модели М. Вебера мы видим для данного исследования ряд методологических позиций, соблюдая логику которых у нас появляется возможность выявить факторы, позволяющие связать элементы ценностных ориентаций конкретного человека с определенным городским пространством.

Итак, основу эмпирического анализа определяют несколько теоретических условий:

- понимание смыслов, которые придают люди социальным событиям;
- связь ценностей и определенной исторической эпохи [4: 174];
- возможность ценностных компромиссов в локальной жизни каждого отдельного индивида;
- понимание ценности как нормы, имеющей значимость для социального субъекта [5: 166];

- социальное пространство не может быть понято само по себе без связи с нормативными предположениями вовлеченных в него людей.

Логика заданной теоретической модели предполагает начать исследование с описания общих ценностных смыслов, которые были для автора дневников основополагающими. Здесь стоит отметить такие характерные особенности ведения дневников как педантичность, аккуратность, постоянство. Дневники в количестве 20-ти тетрадей велись в течение тридцати лет, с точным указанием времени, даты и места записи. Последовательность записей дает возможность отследить даже незначительные изменения во взглядах и ценностных ориентирах автора. Таким образом, мы можем сказать, что красной нитью в дневниках проходит нравственная тема.

В дневниках четко выделяется контекст ценностного авторского восприятия мира и четкое представление «как оно должно быть»: *«Есть слово «Правда!» его можно как угодно истолковывать, но заменить другим словом почти нельзя», «Человек стремится к счастью, но пути к счастью разные; они определяются характером, степенью настоящего и совестью».* Цитата из прочитанной им книги: *«Будь русским: пусть ухо твое остается чутким, пусть ни один вопль, ни один крик боли не оставят бесчувственным твою душу, пусть зрелище позора и насилия возмущает твою кровь; пусть тирания для тебя останется ненавистным понятием; верь в будущее!».* Ценностно-смысловые ориентиры автора дневников непосредственно соединены с советской эпохой: *«Чем отличается коммунист от беспартийного! – отвечая на партийные вопросы, ему нужна правда, истина, справедливость, но он увяз в вещизме, стремлении в обогащении. Следовательно, он растворен в массе лжи и притворства, осуждая алчность, он готов погрузиться в нее».* Ценностный каркас, основу которого составляют представления об идеалах истины, красоты, доброты и острая потребность в социальной справедливости, с одной стороны, избавляют Ф. Достовалова от «ценностных компромиссов между добром и злом» (*«служить добру, не жертвуя собой»*), но, с другой стороны, тем самым вводят автора дневников в непримиримый конфликт с социальной действительностью: *«За что же все-таки меня наказывают? Что я плохого для Советской власти сделал? Разве только виновен в том, что не примирим был к тому, когда чудесные законы от ее имени не выполнялись на отделении дороги. Но я еще об этом напишу. ...А вот недавно: решил поработать – подежурить в компрессорной, но увидел и нутром почувствовал несправедливость, я уже не мог правду променять на деньги».*

На страницах дневников автор неустанно выражает свои патриотические чувства к Родине, веру в мощь советской идеологии и силу советской власти как единственно верную: *«...что мне надо? Общечеловеческую норму; ту норму, которая определена Советской властью – Лениным и регламентирована*

общечеловеческими потребностями; то во что я верю; а верю я, и считаю выше разума индивидуума, в законы, издаваемые от имени Советской власти, в разум партии...», «Жизнь! Если бы передо мною стоял враг советской власти, я бы его убил, но как поступить с тем, кто, вроде, служит советской власти, его хвалят, поддерживают, хотя он куда хуже врага наносит вред?».

Но на фоне таких возвышенных эмоций он не находит в своем окружающем пространстве «добросовестной» реализации идеалов: *«как прекрасны идеалы Советской власти, и как ничтожны те, кто их разрушает»; «как горько видеть, что учет, как условия социализма, все более пожирает безразличие, что им перестают пользоваться, что он становится никому не нужным, даже бухгалтеру».* На наш взгляд, именно неоспоримая определенность в приоритете ценностных норм как жизнеутверждающего вектора приводит Достовалова к осмыслению бесперспективности фактической реализации советской идеологии в локальной действительности, *«когда идеолог садится за стол, чтобы написать для людей, и пишет... будто он живет где-то, но не среди жизни людской».*

Автор дневников начинает критически смотреть на многие факты, которые составляют обычную жизнь советского человека, и в частности на устройство города. Городское пространство в данном случае выступает бесспорным отражением эпохи. Некоторые впечатления Достовалов описывает в драматичных тонах: *«4 дня нахожусь в Долматово. Село первоначально было в виде остывшей вулканической формы, сбегало к берегам Исети, огибавшей его. Утром при легком тумане мне показалось, что за рекой дымятся трубы, и я был несколько удивлен: вчера ничего подобного не было. Пройдя на мост (довоенный, массивный, на ж. бетонных «быках», очень длинный), оказалось: за всхолмленностью выглядывал грядой лес – верхушками, и так расположен – будто шлейф дыма... И как все-таки стал утраченным вкус у тех, кто делает, и у тех, кому поручено сметы, проекты составлять и руководить: по ул. Энгельса в Долматово было здание старинное, к нему пристроили недавно... и таких пристроек много, за которые стыдно даже гражданам. На Исеть свозят шлак, другие отходы. Маслозавод загрязняет реку. Застройка будто на высохшем болоте погнувшие березы, т. е. среди стаи домов пятиэтажек дома без вкуса и поставлены без «вписания». А ведь домов больших настроенных хватило бы на две приятных улицы. На Невском проспекте ни одного небоскреба, а красота его, идущая из глубины веков [6]. Чуть позже Достовалов запишет мысль Н. В. Гоголя: «Архитектура та же летопись мира, – она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания».* Отметим контрастное отношение автора дневников к Далматово. С одной стороны, он критикует устройство современного города, но, с другой, воспекает его как носителя духовных ценностей в виде монастыря и старинных зданий. Вот трепетная запись: *«Долматовский мона-*

стырь. День ясный, Исеть зеркальна, на небе кудри облаков, три лодки в них монахи, пятиглавый храм с собором рядом» (описание хромофотографии 1902 г. – Ред.); «Выйдя из Собора, осмотрев церковь Долматовского монастыря, взглянув с полуостровной горы на залесье, мне показалось, что вон та гора-возвышенность, и к ней спешит подножье – здесь земля прочнее, мощнее и весомее. Здесь государственностью пахнет россиян. Стены саженой толщины, башенки точно доты огневые, собор огромный в осаде, за этим собором храм, в строгом овале фасад» [7].

Подобные сравнительные описания позволяют нам видеть, как постепенно в дневниках возникает необратимый процесс разочарования советского человека в господствующей идеологии. Фразы, записанные, казалось, просто для констатации повседневных фактов, под определенным углом зрения являются свидетельством внутреннего несогласия автора с действительностью: «дорожным строительством в Курганской области занимаются 5 организаций! Есть кому не отвечать ...» [8]; «...в локомотивном депо – в спешке, горячке красили, драили, лепили фонтаны, рабочим закупили береты и комбинезоны, туда стянули рабочих из других предприятий. Сделали, после смотра переделывали, но уже не для смотра, а для работы. Строили жилые дома. Строили штурмом. Штурм захлебнулся. Убытка 1,5 млн., достраивал Дорстрой. А сколько морально «премиями» за пустопорожность людей искалечили?» [9]; «в Кургане был праздник «революционных традиций» – тачанка Чапаева, музвзвод Буденного – но все это наигранно, неестественно, натянуто... и, проехав по тем местам, где я был свидетелем минувших лет 18–19 годов, у меня впечатление несколько было иное» [10].

Именно городское пространство у Ф. Достовалова является отражением советского периода. Дневники наполнены записями о быте города, в том числе о торговле в местных магазинах: «Сегодня случайно подвернулось 2 кг мяса – впервые за 8 месяцев. И когда шел, язык устал: «в угловом, но там уже нет». И впечатления личные! Я самый счастливый! – захватывает меня оптимизм: будет теперь мясо» [11]; «Город до вчерашнего дня жил в ожидании переоценки. Винополки, магазин «Автомобиль» забиты людом: скупали водку, детали, а на бензорасдатках звон бочек – набирали дешевого бензина» [12].

Примерно в этот же период в дневниках можно наблюдать, как запускается автором новый, еще полностью не осознанный механизм поиска альтернативных основ, с помощью которого в малом пространстве возможно найти подтверждение существования ценностных идеалов. Наиболее ярко это становится видно, когда «вдруг» в 1970-х годах у коммуниста в дневнике начинают появляться такие записи: «Советское Зауралье» периодически напоминает читателям, что есть такое слово «Собор» или «Церковь», объясняет, что, скажем, церковь, построенная в Риге Петром 1, не портит, а дополняет красоту, ко-

лорит Риги. Я знаю, в Шадринске церковь хорошо вписывалась в ансамбль современного города. В Троицке много церквей. За что наказан Курган и кем? Уничтожены Богородицы церковь, собор, мечеть. Церковь в Рябково, и на то место построен кинотеатр, будто другого не было места [13]; «Как жаль и до боли бесит злорада, когда творение человека рушится человеком, и только потому что их разделяет время и сознание. Мне подарили во всей красе первоизданности Долматовский монастырь. Что с ним сделали в натуре? Ужас! Купола с обеих главных церквей снесены... короче, за 38 лет все превращено в заводское, в копоть и дым. Сейчас завод перемещают за ж.д., но это пройдет не менее двух десятилетий, чтобы монастырь представился взору, схожий с картиной...» [14].

В одном из дневников за 1977 год мы встречаем таблицу, сделанную, по-видимому, с целью разобраться в том, какие изменения произошли в городе в отношении церквей за годы советской власти.

<i>Старое</i>	<i>Новое</i>
<i>История в Кургане:</i>	
<i>Богородицы церковь</i>	<i>Уничтожена в 1958 году</i>
<i>Александра церковь</i>	<i>Под музей в 1953 году</i>
<i>Собор</i>	<i>Под фабрику в 1943 году</i>
<i>Мечеть</i>	<i>Бульдозером...</i>
<i>Духовное училище</i>	<i>Облисполком</i>
<i>В Рябково церковь</i>	<i>Снесли</i>

В данном случае особенность этой таблицы не в корректности указанных дат, а в попытке осмыслить и систематизировать на обыденном уровне весь сложный и противоречивый процесс проводимой политики уничтожения храмов в Кургане.

Интересным представляется письмо, написанное Ф. Достоваловым в 1979 году и адресованное Всероссийскому обществу памятников истории и культуры. Нам неизвестно, было ли письмо отправлено, но гражданскую позицию автора дневников оно раскрывает. Приведем некоторые, на наш взгляд, наиболее яркие фрагменты: «...Нужно ли доказывать, что церкви, соборы давно перестали отправлять религиозную службу, обрели чисто историческое значение... в течение двух лет побывал я в селах Каргаполье, Белозерское, в Суерском, Мостовском, Романовском, Редькино, Плотниково и др. Какое-то неприятное ощущение приходится испытывать: будто земли у нас мало и эта культовая архитектура мешала нам; либо здание находилось, как после бомбежки (Каргаполье), либо в каком-то бесформенном состоянии – как сарай, ... а в селе Романово председатель с/о продал частникам за 60 руб, надо полагать, покрывал дефекты свои?! В Кургане, обл. центре, был собор, 3 церкви,

татарская мечеть. Всего этого сейчас нет. В Шадринске, Долматово монастыри видом своим вещают о печальном конце своем. Коренные жители оберегают памятники, воздвигнутые их предками, «но с нашими желаниями не будут считаться» – сказала женщина села Романово, к которой я обратился, как лучше проехать в Шастову, и как бы мимоходом спросил: «Где же церковь?», показав глазами на пустырь и бывший домишко поповский... вы, очевидно, правильно меня поняли, Я, коммунист, мне чужда сама религия, но здание, называемое «Храмом Божьим», построено народом, в котором заключен «храм человеческой нравственности», пусть и с некоторыми пороками...» [15]. В 1984 году в дневнике продолжают размышления «о том, что к религии наше отношение «недружелюбное», и с этим, как злом, ведется борьба. Но зачем уничтожать здания – ведь церковь отделена от государства, здания не принадлежат государству... притом бороться с религией, а казнить труд умельцев зачем?».

В данной статье мы наметили лишь штрихи того, как в оценке городского пространства отражались ценности конкретного человека. В целом, видится, скорее, негативная авторская оценка городского пространства при положительной оценке советской идеологии. Многие из проблем остаются и сегодня актуальными – это и отсутствие уважения к памятникам старины, и необустроенность городской инфраструктуры. То есть в оценке городского пространства сохраняется некоторый разрыв между «должным» и «сущим», который, выступая в нашем случае как частный, выводит нас на базовые экзистенциальные основы человека.

Примечания

1. Личные дневники Ф. Е. Достовалова: 1960–1991 гг. (частное собрание автора статьи).
2. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
3. Личностно-ориентированная социология. М.: Академический Проект, 2004.
4. Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: учебник / 3-е изд., перераб. и дополн. М.: Экзамен, 2007.
5. Павенков О. В. Нормативистские концепции ценностей и ценностных ориентаций в социологической науке (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс) // Известия Уральского государственного университета. 2011 г. № 2 (91).
6. Личный дневник Ф. Е. Достовалова. 21–24 марта 1979 г.
7. Там же. 10–15 сентября 1984 г.
8. Там же. 22 сентября 1976 г.
9. Там же. 22 августа 1967 г.
10. Там же. 18 июня 1967 г.
11. Там же. 26 октября 1977 г.

12. Там же. 2 марта 1978 г.
13. Там же. 22 сентября 1977 г.
14. Там же. 21–24 марта 1979 г.
15. Там же. 21 апреля 1979 г.

А. В. Шабанова (Самара)

Особо охраняемые территории в формировании имиджа города

Туристско-рекреационный кластер в Самарской области в настоящее время представляет собой систему со средним уровнем экономического развития. Туристская инфраструктура области представлена достаточно широко: свыше 100 гостиниц, более 40 санаториев, 122 базы отдыха, 74 детских оздоровительных лагеря [1].

Рост внутреннего туристского потока сдерживает низкая осведомленность жителей и гостей области о привлекательных туристских объектах, а также недостаточное количество организованных туристских продуктов, объединяющих эти объекты. Кроме того, не развиты ключевые приоритетные направления, которые стали бы визитной карточкой области. Потенциальной туристской привлекательностью обладает национальный парк «Самарская Лука» и один из старейших природных заповедников – Жигулевский государственный природный заповедник им. И. И. Спрыгина, – где созданы и функционируют две охраняемые природные зоны с богатым природным и культурно-историческим наследием. Наличие в области памятников природы (580 объектов), истории (3636 объектов), религиозных объектов, а также значительных культурно-рекреационных возможностей является хорошей предпосылкой для создания востребованных туристских программ.

Памятники природы – это самая многочисленная категория особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Самарской области. Согласно ст. 25 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями и дополнениями) № 33-ФЗ от 14 марта 1995 г., памятники природы – уникальные, невосполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения. Специалисты заповедного дела считают, что на территории области еще не исчерпаны резервы организации ООПТ различного статуса, и поэтому для реального сохранения биологического и